

УДК 343.2
ББК 67.408

Н. А. Егорова, А. Г. Егоров

**СПОРНЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ
В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ**

В статье содержится критический обзор действующих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по ряду вопросов уголовного права. Показано, что отдельные разъяснения вступают в противоречие с уголовным и иным законодательством, положениями теории уголовного права. Отмечается, что ни Конституцией Российской Федерации, ни отраслевым законодательством не установлены требования, которым должны отвечать правовые позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отраженные в его постановлениях. Авторы приходят к выводу о том, что вопрос о пределах толкования уголовного закона следует урегулировать в самом Уголовном кодексе Российской Федерации либо в законодательстве о судебной системе. Предложено предусмотреть в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ обязательность научной экспертизы проектов всех постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащих разъяснения по вопросам правоприменительной практики. Приводится примерная редакция новой ч. 1.1. ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, толкование уголовного закона, правовая позиция, квалификация преступлений.

N. A. Egorova, A. G. Egorov

**DISPUTABLE EXPLANATIONS
IN DECREES OF PLENUM OF RUSSIAN FEDERATION SUPREME COURT
ON CRIMINAL CASES: THE PROBLEM AND TENTATIVE SOLUTIONS**

The article holds a critical observation of the current explanations given by Plenum of Russian Federation Supreme Court on several criminal law issues. The argument shows that some of the explanations contradict criminal law and other legislation norms, as well as the theory of criminal law. It is also noted that neither the Constitution of the Russian Federation, nor sectoral legislation provide any requirements to the legislative statements of Plenum of Russian Federation Supreme Court. The authors conclude that the interpretation limits of criminal law should be regulated by the Criminal Code of the Russian Federation, or else by the judicial system legislation. The authors offer that the Federal Law “On judicial system of the Russian Federation” of December 31, 1996, No 1-FKZ, include the necessity to hold a scientific expertise of all decrees of Plenum of Russian Federation Supreme Court that deal with law compliance practices. A revised sample of article 1.1 of rule 3 of the Russian Federation Criminal Law is given.

Key words: decree of Plenum of Russian Federation Supreme Court, legal determination, classification of crimes.

Результаты праворазъяснительной деятельности Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ПВС РФ) по уголовным делам всегда вызвали неоднозначную реакцию в научных кругах и у практических работников. Это объясняется тем, что, отрицая обязательный (и тем более общеобязательный) характер постановлений ПВС РФ, специалисты в области уголовного права все же признают «определенную степень обязательности» разъяснений данного субъекта толкования, обусловленную его авторитетом [1, с. 96], и ожидают от него таких правовых позиций, которые не только

проливают свет на сложные вопросы правоприменения, но и не противоречат закону и не порождают еще более острых дискуссий.

Следует отметить, что обязательный для судов характер постановлений ПВС РФ констатирует Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ): «В российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами оказывает существенное воздействие на формирование судебной практики. По общему правилу, оно фактически — исходя из правомочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов — является обязательным для нижестоящих судов на

будущее время» (п. 3.4 постановления КС РФ от 21 января 2010 г. № 1-П*).

Правовые позиции ПВС РФ особенно важны сейчас, в условиях постоянного реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). К сожалению, ожидания не всегда оправдываются, и в юридической прессе время от времени появляются обзорные статьи, содержащие критический анализ отдельных положений действующих постановлений ПВС РФ [2, с. 49—54; 3, с. 19—21; 4, с. 21—24]. Так, в ч. 3 ст. 37 УК РФ провозглашено равное для всех право на необходимую оборону. Однако ПВС РФ дает следующее разъяснение: «Правомерные действия должностных лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, даже если они сопряжены с причинением вреда или угрозой его причинения, состояние необходимой обороны не образуют (применение в установленных законом случаях силы сотрудниками правоохранительных органов при обеспечении общественной безопасности и общественного порядка и др.)» (п. 6 постановления ПВС РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19). Мы согласны с этим, однако отмечаем, что например, сотрудники полиции, в принципе, не могут находиться в состоянии необходимой обороны, что, конечно же, не так (см., например, ч. 3 ст. 18 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ) [5, с. 285]. Иной (вполне приемлемый, но не очевидный) вариант толкования данного пункта: правомерные действия названных должностных лиц не порождают у *других лиц* права на необходимую оборону от таких действий.

Не соответствуют ч. 3 ст. 37 УК РФ и разъяснения ПВС РФ, содержащиеся в п. 28 названного постановления. Так, в документе отмечается, что специальные субъекты «не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы». Но далее допускается отступление от этого правила, если «исходя из конкретной обстановки промедление в применении указанных предметов создавало непосредственную опасность для жизни людей или могло повлечь за собой иные тяжкие последствия (экологическую катастрофу, совершение диверсии и т. п.)».

Представляется, что ст. 37 УК РФ не только универсальна, но и содержит нормы прямого действия, диспозиции ее ч. 1, 2 и 2.1 не являются бланкетными, и нарушение неуголовного

законодательства автоматически не влечет постановки вопроса об уголовной ответственности нарушителя (хотя не исключает иных видов юридической ответственности, например, дисциплинарную ответственность).

В доктрине сделан вывод о незаконности и несправедливости применения нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) в случаях, когда невозможно освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности по ст. 76.1 УК РФ [6, с. 118, 119]. Тем не менее в п. 15.1 постановления ПВС РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. от 29.11.2016) утверждается следующее: «В случаях выполнения не всех или не в полном объеме действий, предусмотренных статьей 76.1 УК РФ, лицом, совершившим преступление небольшой или средней тяжести в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, его ходатайство о прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным статьями 75, 76 или 76.2 УК РФ, может быть удовлетворено судом при условии выполнения содержащихся в указанных нормах требований». Аналогичное положение содержится в п. 16 постановления ПВС РФ «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» от 15 ноября 2016 г. № 48, где указано, что ст. 76.2 УК РФ может быть применена к лицу, совершившему преступление небольшой или средней тяжести в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности при выполнении не всех или не в полном объеме действий, предусмотренных ст. 76.1 УК РФ. Если признать такой подход правильным, то не ясен смысл существования ст. 76.1 УК РФ, действие которой по усмотрению суда может быть отменено с применением норм о других видах освобождения от уголовной ответственности.

В абзаце 1 п. 5 постановления ПВС РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1 (в ред. от 03.03.2015) указано: «В соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту „а“ ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам ч. 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден».

Принципиальное различие между единым продолжаемым убийством и совокупностью убийств очевидно и вряд ли нуждается в дополнительных доказательствах. В пункте «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ речь идет именно о первом, вследствие чего обоснование правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации ссылкой на ч. 1 ст. 17 УК РФ не совсем убедительно: в рассматриваемой ситуации нет «двух или более преступлений», предусмотренных статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, а есть одно продолжаемое преступление.

Выполнение рекомендаций ПВС РФ способно привести к неразрешимым ситуациям при назначении наказания. Например, лицом до осуждения совершено несколько не связанных между собой убийств, причем одни преступления имели место до достижения лицом совершеннолетия, другие по достижении им 18 лет. По логике ПВС РФ, содеянное следует квалифицировать как одно убийство двух или более лиц, что не позволяет назначить наказание за преступления, совершенные подсудимым до достижения 18-летнего возраста с учетом правил ч. 6 ст. 88 УК РФ.

Уже 15 лет правоприменительная практика пребывает в ситуации неопределенности относительно трактовки соисполнительства в хищениях. В пункте 10 постановления ПВС РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 16.05.2017) указано: «Исходя из смысла части второй статьи 35 УК РФ уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности *вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления*) (курсив авторов — Н.Е., А.Е.), содеянное ими является соисполнительством и в силу части второй статьи 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по статье 33 УК РФ». Таким образом, к соисполнителям хищения отнесены лица, которые даже частично не выполняли объективную сторону преступления (осуществляли вывоз похищенного,

подстраховывали других соучастников от обнаружения преступления) [7].

Примечательно, что спустя некоторое время в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации была опубликована статья заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации А. Е. Меркушова, где столь широкий подход к соисполнительству опровергается со ссылкой на «смысл уголовного закона» [8, с. 22].

Вызывает вопросы разъяснение, данное в п. 4 постановления ПВС РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. № 45: «Применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т. п. дает основание для квалификации содеянного по пункту „а“ части 1 статьи 213 УК РФ». «Декоративное оружие», «сувенирное оружие», «оружие-игрушка» — понятия, которыми не оперирует Федеральный закон «Об оружии» от 13 декабря 1996 № 150-ФЗ (в ред. от 29.12.2017). Можно предположить, что в данном постановлении подразумеваются предметы, используемые в качестве оружия, тогда, действительно, имеются основания для применения п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Если же перечисленные предметы не использовались в этом качестве, правильность квалификации по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ сомнительна.

Известны примеры, когда противоречащие закону разъяснения корректировались, приводились в соответствие с правовыми нормами (в том числе иных отраслей права). Так, в абз. 3 п. 2 постановления ПВС РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002 г. № 5 (в ред. от 03.12.2013) отмечается: «Под основными частями огнестрельного оружия следует понимать ствол, затвор, барабан, рамку, ствольную коробку». Данное разъяснение полностью соответствует ст. 1 Федерального закона «Об оружии». Однако в предыдущей редакции оно было иным: ПВС РФ придерживался расширительного толкования законодательства об оружии, понимая под основными частями огнестрельного оружия «ствол, затвор, барабан, рамку, ствольную коробку, ударно-спусковой и запирающий механизмы».

Особый интерес представляют разъяснения ПВС РФ, сопровождаемые теоретическим обоснованием спорных позиций. Например, в п. 13.1 постановления ПВС РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»

от 15 июня 2006 г. № 14 (в ред. от 16.05.2017) указано: «Учитывая, что диспозиция части 1 статьи 228.1 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного признака объективной стороны данного преступления наступление последствий в виде незаконного распространения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, их незаконный сбыт следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств, веществ, растений независимо от их фактического получения приобретателем, в том числе когда данные действия осуществляются в ходе проверочной закупки или иного оперативно-розыскного мероприятия, проводимого в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ „Об оперативно-розыскной деятельности“. Изъятие в таких случаях сотрудниками правоохранительных органов из незаконного оборота указанных средств, веществ, растений не влияет на квалификацию преступления как оконченного». Такая позиция получила поддержку и в некоторых научных трудах [9].

Действительно, распространение наркотических средств, психотропных веществ и др. не является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ. Однако таким признаком выступает сбыт, который немислим без передачи предмета преступления приобретателю. Именно состоявшийся сбыт означает, что причинен реальный вред объекту (здоровью населения). Неудавшийся сбыт указанных предметов (а он имеет место при проверочной закупке, когда в роли приобретателя выступает сотрудник органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность) позволяет утверждать, что совершено неоконченное преступление (покушение на сбыт).

Довольно спорна правовая позиция ПВС РФ о моменте окончания взяточничества и коммерческого подкупа. В абзаце 2 п. 10 постановления ПВС РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 03.12.2013) предлагается усматривать оконченные получение взятки, дачу взятки и посредничество во взяточничестве в значительном, крупном или особо крупном размере в случаях, когда субъекты названных преступлений намеревались получить (передать) взятку в указанном размере, но по объективным причинам фактически полученное (переданное) незаконное вознаграждение не образовало такого размера. Данная рекомендация противоречит как уголовному закону (ст. 8, ч. 3 ст. 30 УК РФ), так

и теории уголовного права [10, с. 238—239]. Таким же образом следует оценить разъяснение, содержащееся в абз. 2 п. 9 постановления ПВС РФ «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» от 7 июля 2015 г. № 32: «Если лицо намеревалось легализовать (отмыть) денежные средства или иное имущество, приобретенные преступным путем (в результате совершения преступления), в крупном либо особо крупном размере посредством совершения нескольких финансовых операций или сделок, однако фактически легализованное имущество по независящим от этого лица обстоятельствам не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченную легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества в крупном или особо крупном размере».

В пункте 10.8 постановления ПВС РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» от 9 декабря 2008 г. № 25 (в ред. от 24.05.2016) закреплено следующее правило квалификации преступлений: «В случае если лицо совершает деяние, предусмотренное частями 2, 4 или 6 статьи 264 УК РФ, и ранее было подвергнуто административному наказанию по части 1 или 3 статьи 12.8 или статье 12.26 КоАП РФ либо имеет судимость за совершение преступления, предусмотренного частями 2, 4 или 6 статьи 264 или статьей 264.1 УК РФ, то содеянное представляет собой совокупность преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 264 и статьей 264.1 УК РФ».

В приведенном разъяснении деяние и последствия искусственно отрываются друг от друга. Содеянное квалифицируется дважды: как деяние в объективной стороне преступления, предусмотренного соответствующей частью ст. 264 УК РФ, и как самостоятельное преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ. По той же логике можно квалифицировать сразу по двум статьям (ст. 111 и ст. 105 УК РФ) убийство, совершенное путем нанесения проникающих ножевых ранений, представляющих собой тяжкий вред здоровью. Полагаем, что нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или другие последствия, указанные в ст. 264 УК РФ, образует одно преступление независимо от наличия обстоятельств, названных в ст. 264.1 УК РФ. Применение ст. 264.1 УК РФ возможно лишь при отсутствии общественно

опасных последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ.

В завершение следует отметить, что нами приведены и рассмотрены не все спорные разъяснения высшей судебной инстанции России по уголовным делам. Однако они оказывают влияние на применение уголовного закона судами, причем иногда столь значительное, что можно перефразировать известную норму о независимости судей (ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации): «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, *интерпретированному Верховным Судом Российской Федерации*». В связи с этим возникают два вопроса: 1) как ввести праворазъяснительную деятельность Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам в строгие правовые рамки; 2) как поступать остальным правоприменителям, а также тем, кто преподаёт уголовное право и другие дисциплины криминального цикла?

В последние годы стало доброй традицией привлечение научной общественности (причем массовой, выходящей за пределы Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации) к обсуждению проектов постановлений ПВС РФ по уголовным делам в формате всероссийских конференций с последующим опубликованием материалов в журнале «Уголовное право» [11; 12]. Но в таком виде научная экспертиза проектов постановлений ПВС РФ проходит не всегда, и рассматривать подобные конференции в качестве гарантии строгого соответствия актов нормативного судебного толкования уголовному закону не стоит, поскольку выводы специалистов в области уголовного права имеют рекомендательное значение.

В ст. 126 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что Верховный Суд Российской Федерации «даёт разъяснения по вопросам судебной практики» (см. также ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» (далее — ФКЗ «О судебной системе РФ») от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 05.02.2014)). При этом ни Конституция Российской Федерации, ни отраслевое законодательство не устанавливают требований, которым должны отвечать указанные разъяснения. На основании ст. 120 Конституции Российской Федерации, а также ч. 1 ст. 5 ФКЗ «О судебной системе РФ» можно сделать вывод о том, что разъяснения ПВС РФ должны соответствовать Конституции Российской Федерации и другим законам. Это означает, что толкование уголовного закона должно прежде всего согласовываться с самим этим законом, т. е. его

буквой и духом. Если буква уголовного закона — это его текстуальное выражение, то дух уголовного закона есть его предназначение, которое раскрывается в ч. 1 ст. 2 УК РФ.

Полагаем, что настало время в самом УК РФ (что предпочтительнее) либо в законодательстве о судебной системе урегулировать вопрос о пределах толкования уголовного закона. Примеры такого урегулирования можно найти в уголовном праве зарубежных стран. Так, в ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь закреплено следующее правило: «Нормы Кодекса подлежат строгому толкованию» [13]. Подобные предложения в науке уголовного права уже высказывались. Так, А. В. Мадьяровой разработана теоретическая модель главы УК РФ, посвященной толкованию уголовного закона [14, с. 371—373]. Не со всеми идеями, воплощенными в данном авторском проекте, можно согласиться (таковы прежде всего использование критерия «среднего человека» для уяснения смысла уголовного закона и допустимость применения уголовного закона по аналогии). Едва ли необходимо столь детально регламентировать правила толкования уголовного закона в самом УК РФ, хотя, возможно, подобные положения уместны в постановлении ПВС РФ. Сегодня имеются постановления ПВС РФ далеко не по всем актуальным вопросам применения уголовного закона, поэтому оказались бы востребованными общие разъяснения о том, как следует понимать смысл уголовно-правовых норм в сложных случаях.

Предпочтителен, по нашему мнению, другой путь: в ч. 4 ст. 19 ФКЗ «О судебной системе РФ» следует предусмотреть обязательность научной экспертизы проектов всех постановлений ПВС РФ, содержащих разъяснения по вопросам правоприменительной практики.

Б. В. Яцеленко напоминает о сформулированном еще в советский период постулате «содержание уголовного закона следует понимать в точном соответствии с его текстом» [15, с. 92] и предлагает включить это требование в ст. 3 УК РФ. Полностью согласиться с этим трудно, поскольку толкование уголовного закона не сводится к уяснению смысла только текста УК РФ.

К. В. Ображиев полагает необходимым официально признать постановления ПВС РФ источниками уголовного права, так как без этого «не решить весьма острую проблему обеспечения их соответствия уголовному закону. Только при условии такого признания постановления Пленума Верховного Суда РФ возможно включить в предмет судебного нормоконтроля (желательно конституционного) и четко определить рамки нормотворческой судебной конкретизации уголовного закона. В противном случае нам придется еще долго мириться с наличием в

постановлениях Пленума уголовно-правовых предписаний, не соответствующих УК РФ, утешая себя иллюзорной мыслью, что при обнаружении таких коллизий суды будут отдавать предпочтение уголовному закону» [16, с. 184].

Данная идея вызывает несогласие по двум причинам. Первая — она предполагает нарушение баланса законодательной и судебной ветвей власти. Вторая — в ней не раскрыт механизм судебного нормоконтроля, и если имеется в виду, что такой нормоконтроль должен осуществлять Конституционный Суд Российской Федерации, то это противоречит компетенции Конституционного Суда Российской Федерации (ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2016) и предназначению конституционного нормоконтроля (для проверки соответствия источника права Конституции Российской Федерации, а не УК РФ).

Таким образом, предлагаем дополнить ст. 3 УК РФ ч. 1.1. (редакция примерная):

«Статья 3. Принцип законности

1. ....

1.1. Уголовный закон подлежит толкованию в соответствии с его буквальным смыслом и задачами, предусмотренными частью первой статьи 2 настоящего Кодекса.

2. ...».

1. Рарог А. И., Грачева Ю. В. Понятие, основание, признаки и значение судебного усмотрения в уголовном праве // Государство и право. 2001. № 11. С. 90—98.

2. Кузнецов В. И. Постановления Пленума Верховного Суда РФ: дискуссионные вопросы // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4. С. 49—54.

3. Безверхов А. Г. Спорные интерпретации некоторых положений уголовного законодательства в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 19—21.

4. Поезжалов В. Б., Линкевич А. Е. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации: спорные вопросы судебного толкования // Евразийская адвокатура. 2016. № 4. С. 21—24.

5. См. также: Бикмашев В. А. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: надежды и разочарования // Современные проблемы уголовной политики : материалы III междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2012. С. 281—287.

6. Лобанова Л., Мкртчян С. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 6. С. 111—121.

7. См., например: Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Меркушов А. Е. Некоторые вопросы судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 4. С. 19—24.

9. См., например: Токманцев Д. В., Винокуров В. Н. Новые правила квалификации незаконного приобретения и незаконного сбыта наркотических средств // Уголовное право. 2016. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. См., например: Волженкин Б. В. Служебные преступления. М.: Юрист, 2000. 368 с.

11. Уголовное право. 2013. № 5.

12. Уголовное право. 2014. № 5.

13. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (в ред. от 05.08.2017). URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 20.01.2018).

14. Мадьярова А. В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования.

1. Rarog A. I., Gracheva Y. V. The concept, basis, signs and significance of judicial discretion in the criminal law // State and Law. 2001. № 11. Pp. 90—98.

2. Kuznetsov V. I. Decrees of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: controversies // Siberian legal bulletin. 2005. № 4. Pp. 49—54.

3. Bezverkhov A. G. Controversial interpretations of some provisions of criminal law in the decrees of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Vector of Science of Togliatti State University. Series: Juridical sciences). 2010. № 2. Pp. 19—21.

4. Poezhdalov V. B., Linkevich A. E. Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: controversial issues of judicial interpretation // Evrazijskaja advokatura (Eurasian Advocacy). 2016. № 4. Pp. 21—24.

5. See also: Bikmashev V.A. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the courts' application of legislation on justifiable defense and infliction of harm during detention of a crime committer": hopes and disappointments // Current problems of criminal policy: materials of 3d intern. scientific practical. conf. / ed. A. N. Ilyashenko. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. Pp. 281—287.

6. Lobanova L., Mkrтчян S. Problems of establishment and implementation of a new basis for exemption from criminal liability // Criminal law. 2016. No. 6. Pp. 111—121.

7. See, for example: Lopashenko N. A. Encroachments on property. M.: Norma: INFRA-M, 2012. Access from the legal system "ConsultantPlus".

8. Merkuшов A. E. Some issues of judicial practice for cases of theft, robbery and robbery // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. № 4. Pp. 19—24.

9. See, for example: Tokmantsev D. V., Vinokurov V. N. New rules of qualification of illegal acquisition and sale of narcotic drugs // Criminal law. 2016. № 1. Access from the legal system "Consultant Plus".

10. See, for example: Volzhenkin B. V. Abuse of office. M.: Jurist, 2000. P. 368.

11. Ugolovnoe pravo (Criminal law). 2013. № 5.

12. Ugolovnoe pravo (Criminal law). 2014. № 5.

13. The Criminal Code of the Republic of Belarus of July 9, 1999 № 275-3 (as amended on August 5, 2017). URL: <http://www.pravo.by> (reference date: January 20, 2018).

14. Madyarova A. V. Explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in the system of criminal law regulation. SPb: Legal Center Press, 2002. P. 405

15. Yatselenko B. V. Principle of legality in criminal law and limits of judicial interpretation // Current problems of criminal policy: materials of 3d

СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 405 с.

15. Яценко Б. В. Принцип законности в уголовном праве и пределы судебного толкования // Современные проблемы уголовной политики: материалы III междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2012. С. 82—92.

16. Ображиев К. В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2010. 216 с.

intern. scientific practical. conf. / ed. A. N. Ilyashenko. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. Pp. 82—92.

16. Obrazhiev K. V. Formal (legal) sources of Russian criminal law. M.: Yurlitinform, 2010. P. 216.

© Egorova N. A., Egorov A. G., 2018

© Егорова Н. А., Егоров А. Г.. 2018